

В. А. Бажанов

**О РОЛИ ИДЕЙ И. КАНТА
В РАЗВИТИИ ЛОГИКИ
И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
В РОССИИ¹**

Анализируется влияние идей И. Канта на развитие отечественной логики и университетской философии. Показывается, что единство философии, психологии (и педагогики), логики, имевшее место до начала XX века, приводило к тому, что идеи Канта воздействовали на логическую мысль через структуры и представления, относящиеся к ее философским основаниям (эмпиризм versus рационалистическое содержание философии Канта). Особенно это было заметно в контексте истолкования логики в духе психологизма и антропологизма, которые вытекали из определенной эмпиристской позиции.

This article analyses the impact of Kant's ideas on the development of logic and University philosophy in Russia. The integrity of philosophy, psychology (pedagogy), and logic until the early 20th century implied that Kant's ideas influenced logic via its philosophical foundations (empiricism versus the rationalistic aspects of Kant's philosophy). It was especially evident in the interpretations of logic in terms of psychologism and anthropologism ensuing from empiricism.

Ключевые слова: логика в России, университетская философия, эмпиризм, психологизм, антропологизм.

Key words: logic in Russia, University philosophy, empiricism, psychologism, anthropologism.

Если проанализировать библиографию трудов логиков России до 1917 года, то можно заметить: специальных работ, посвященных осмыслению роли и места идей И. Канта, что нашло бы непосредственное отражение в самом названии, в истории отечественной логики почти нет. Едва ли не единственным исключением является своего рода пояснительная статья к переводу «Логики» И. Канта И. К. Маркова [14]. Между тем хорошо известно, что великий кёнигсбергский мыслитель оказал на развитие логики в России достаточно заметное влияние. Чем же тогда можно объяснить отсутствие имени И. Канта в названиях многочисленных сочинений отечественных логиков до 1917 года? И в чем тогда, закономерен вопрос, можно усмотреть влияние идей И. Канта на русскую логическую мысль?

Логика как часть университетской философии в России

Корректная реконструкция истории логики в России не может производиться без учета того, что фактически до рубежа 1910–1920-х годов университетская философия существовала как синкретическое единство собственно философии, психологии, логики и педагогики.

К концу XIX столетия уже достаточно четко проявились различия между философией, психологией, педагогикой и, разумеется, логикой. Однако «по инерции» и по давней традиции эти разделы знания (за исключением математической логики) в абсолютном большинстве были представлены одними и теми же лицами. Философы традиционно читали логику и занимались логическими исследованиями, читали психологию и занимались психологическими исследованиями, уделяли внимание и педагогике. У различных ученых был различен лишь удельный вес тех разделов, к которым было приковано основное внимание. Так, Г.И. Челпанов,

который ныне больше известен как один из первых отечественных психологов и основателей экспериментальной психологии, занимался также логикой, а П.Ф. Каптерев, о котором сейчас помнят лишь как о педагоге, имел и труды по логике.

Необходимо несколько слов сказать о стиле логических работ, выполнявшихся в рамках Аристотелевой парадигмы логики в XIX веке. Дело в том, что основной массив трудов по логике носил монографический характер, причем эти работы имели довольно жесткую проблематическую структуру – в них должны были быть представлены, скажем, теории понятия, суждения, умозаключения, причем каждая из теорий обладала почти стандартным набором вопросов. Поэтому структура и во многом даже содержание логических работ трансформировались от одного поколения логиков к другому (не случайно И. Кант утверждал, что логика со времени Аристотеля не сделала ни одного шага вперед и что она, по

¹ Работа поддерживалась грантом РГНФ (№ 10-03-00540а).

всей видимости, кажется наукой вполне законченной [9, с. 9]). При таком положении вещей нововведения были в основном возможны лишь при рассмотрении отдельных вопросов.

Университетская философия и логика в России не могли так или иначе не замечать идеи Канта, и не обсуждать их, а в некоторых случаях пытаться переосмыслить с позиций, отличных от позиции великого немецкого мыслителя. Не случайно в России не только сформировалось *неокантианство*, но и разделилось на ряд направлений — академическое (А.И. Введенский, И.И. Лапшин), психологизм (Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов и др.), логический критицизм (М.И. Каринский, Л.В. Рутковский) (подробнее см. [11]).

И. Кант был мыслителем, который оказывал и оказывает на философскую мысль значительное влияние, «и что особенно замечательно, — подчеркивал В.Н. Ивановский, — не только теми сторонами своих теорий, которыми он действительно внес нечто новое в сокровищницу человеческого знания, но и своими недостатками, недомолвками и противоречиями... Часто случается, что... противоречия становятся ферментами дальнейшего развития: не замеченные самим мыслителем потому, что все его внимание было обращено на другие пункты, противоречия эти выдвигают новые задачи перед следующими поколениями» [7, с. 132–133]. По мнению В.Н. Ивановского, перед философией начала XX века по-прежнему оставалась актуальной задача найти такой путь, который бы позволил совместить, сделать взаимодополнительными «юмизм и кантианство, английские и немецкие формы критицизма» [6, с. 143]. Сам В.Н. Ивановский восхищался многосторонностью И. Канта и стремился осмыслить его идеи в контексте ассоцианизма, в рамках которого он выделял гносеологическое и собственно психологическое субнаправления.

Смысл ассоцианизма заключается в положении, согласно которому последовательность и совокупность идей, возникающих в сознании, отражает порядок и совокупность внешних воздействий на человеческий организм. Если организм подвергался одновременно воздействию нескольких внешних воздействий, то при условии действия одного из них сознание «вспоминает» и о действиях других, в какой-то момент, возможно, отсутствующих. Мир, согласно точке зрения ассоцианизма, разлагается для познающего субъекта на совокупность перцепций, соединяющихся по внутренне им присущим «притяжениям»; законы ассоциации объединяют их в целое, ряды, цепи последовательных, одновременных и сходных элементов. Таким образом, можно вести речь о своего рода психофизическом параллелизме, который характерен для ассоцианизма. Здесь возникает возможность соединить принцип активности субъекта, восходящий к И. Канту, с деятельностью ассоциаций и тем самым приписать сознанию активно-синтезирующие функции — именно в этом В.Н. Ивановский видел важнейшую задачу для себя и отечественных последователей ассоцианизма [8]. Однако эта задача осталась нерешенной: разразилась Первая мировая война, затем последовали Февральская и Октябрьская революции 1917 года.

Октябрьский переворот 1917 года подтолкнул многих отечественных мыслителей-философов к дрейфу в сторону от философской проблематики, по существу и насколько возможно к нефилософской специализации. Послеоктябрьский «философический» (о нем подробнее см. [2, гл. 1.9]) фактически лишил философов «старой» формации возможности заниматься систематической философией; если кто-то из них и смог продолжить работу в качестве преподавателя и исследователя, то преимущественно в какой-то специальной, уже нефилософской сфере, например в психологии. Так поступил Г.И. Челпанов. Те же, кто не смог или не захотел оставить философию, должны были перенести акценты в область истории философии, даже когда они вроде бы формально писали о логике (как это делал, например, А.О. Маковельский).

Процесс «институциональной» специализации в Советской России, по существу, лишь немного запаздывал относительно «естественной» специализации на Западе, где дифференциация философского знания началась чуть раньше. «Внешняя» дифференциация знания сопровождалась и процессом его «внутренней» дифференциации: анализ общих идей все чаще дополнялся анализом конкретных ситуаций, персоналий, концепций.

Если ранее идеи Канта анализировались и развивались в контексте изложения логики «вообще» (с выделением дедуктивной и индуктивной логики), то примерно с начала XX века в России ясно обозначилась тенденция более узкого предметного осмысления, скажем, логики Аристотеля [3], природы частных суждений [5] или логики отношений [16].

В начале XIX века в Московском университете логика и философские предметы читались И. Т. Буле [1, с. 165–166], который был энергичным популяризатором идей И. Канта, а также А.М. Брянцевым и М.Н. Катковым, в Казанском университете же эти курсы читались А.С. Лубкиным [13], который, напротив, был последовательным критиком философских воззрений И. Канта с позиций эмпиризма и сенсуализма. И. Т. Буле под давлением попечителя П. И. Голенищева-Кутузова был вынужден покинуть Московский университет в 1810-х годах, логика читалась А.М. Брянцевым, последователем Хр. Вольфа и И. Канта.

В Ришельевском лицее первым профессором философии был И.И. Дудрович, который затем работал в Харьковском университете до 1831 года, а его ученик К.П. Зеленецкий, также преподававший логику, пытался синтезировать учения Канта и Шеллинга [22, с. 491].

Как известно, логика в российских университетах и духовных академиях и семинариях преподавалась и в тот период, когда в середине XIX века почти на десятилетие действовал запрет на преподавание философии.

Психологизм и антропологизм в русской логике и университетской философии

Начала методологии психологизма можно найти в философии Дж. Локка и Д. Юма, в известном смысле и самого И. Канта, который преодолевал скептицизм Д. Юма в своей концепции априоризма. Априорные формы чувственности, рассудка и разума так или иначе связаны с организацией субъекта познания и его познавательных способностей, обеспечивающих в сознании единство многообразных явлений внешнего мира, которые относятся к категории всеобщего и необходимого.

Психологизм в истории логико-философской мысли представлен именами А. Бэна, В. Вундта, У. Джемса, Х. Зигварта, Дж. Милля, Б. Эрдмана, в некоторой мере Дж. Буля; в России к его сторонникам можно отнести Н.Я. Грота, М.М. Троицкого, В.Н. Ивановского, Н.А. Васильева, а по некоторым позициям Г.И. Челпанова, который представления о причинности связывал с сознанием², и А.И. Введенского, хотя и возражавшего против сведения логики к психологии, но все-таки интерпретировавшего логику в качестве части теории познания. Натуралистической теории познания (нативистской, как ранее было принято называть это направление) были близки многие установки психологизма.

Синкретическое единство философии, логики и психологии в значительной мере окрашивало логические исследования в психологические тона, причем все исследования проводились в контексте определенных философских идей. Отсюда можно понять причину сильных тенденций к *антропологизму* и *психологизму* русской логики и в некоторой мере теории познания.

Психологизм и антипсихологизм, как известно, — методологические подходы, один из которых по отношению к логике рассматривает последнюю как науку, признающую существование особых «законов мышления» и реализующую их в некоторой объективированной форме — в виде рассуждений, представленных в языковом материале (*психологизм*), а другой отрицает саму возможность истолкования логики как своего рода модели мышления, связывая законы логики лишь с материей рассуждения и не признавая их укорененность в живом процессе мышления (*антипсихологизм*).

Если несколько упрощать ситуацию, то речь здесь идет о принципиальной сводимости или несводимости логических структур к психологическим, а также о признании или непризнании факта доминирования в познавательном процессе в большей или меньшей степени элементов психологической организации индивида. Так, Н. А. Васильева можно отнести к сторонникам более или менее сильной версии психологизма на том основании, что операция отрицания в его «воображаемой логике» определяется в некотором «воображаемом мире» соответствующей психологической организацией познающего субъекта.

Психологизм, характерный для логиков России, в некоторых университетских центрах дополнялся традициями эмпиризма. Эти традиции во многом питались интересом к философии И. Канта — интересом, возбужденным прежде всего А.С. Лубкиным и дополняющимся стремлением противопоставить эмпиристскую точку зрения своеобразному рационализму Канта. Путь противопоставлений — типичный путь саморазвития философского знания.

Дело в том, что в 1805 году в журнале «Северный вестник» А.С. Лубкин публикует «Письма о критической философии», в которых впервые в русской философии подвергается анализу философская система Канта, в частности критикуется его априоризм именно с точки зрения эмпиризма в духе Ф. Бэкона и Кондильяка. «Философия Канта, — писал А.С. Лубкин, — настолько прославилась, или столько наделала шума, что почти опасно явно обнаруживать об ней свое мнение». Между тем нельзя не видеть в этой философии «некоторых важных неясностей и недоказанных положений» [12, с. 184]. «То правда, — продолжает А.С. Лубкин, — что явления опытов всегда заключают в себе много разнообразного и изменяющегося, однако же нельзя отрицать и того, чтоб в них не было одинакового и общего, несмотря на их изменяемость. В противном случае физика была бы не что иное, как только мнимая наука. А постоянные явления во всех опытах суть пространство, продолжение, или время, кроме же их непроницаемость, упорность, тяжесть тел и многие другие. Так посему надлежало бы заключить, что и последние понятия имеем мы не от опыта, а что оные основаны в самой науке?.. После всего можно сказать, что желательнее бы было, дабы славное учение критической философии о времени и пространстве основано было на лучших доводах, нежели — каковы для утверждения его приводятся. Ибо оные ничего почти не доказывают» [12, с. 198–199].

В комментариях к выполненному (совместно с П. Кондыревым) переводу книги Г. Снелля «Начальный курс философии» (ч. 1–5, Казань, 1813–1814) А.С. Лубкин строго выдерживает линию

² "Само наше сознание придает форму причинности, подобно тому, как оно придает форму пространства и времени нашим ощущениям," — писал Г.И. Челпанов [23, с. 166].

эмпиризма. Рационализму Канта он противопоставляет взгляд, согласно которому знания черпаются исключительно из опыта и оформляются чувствами человека.

А.С. Лубкин видел в логике «антропологическую» науку, которая демонстрирует способы управления разумными способностями и позволяет здраво судить о вещах [12]. Традиционный подход к логике, к которому принадлежал А.С. Лубкин, был «пропитан» антропологическими по своему существу установками, которые и выразились в концепции психологизма, призывавшей заниматься изучением «реального» мышления, а не нормативностью логических законов и соответствующих принудительных мыслительных конструкций.

К философии Канта А.С. Лубкин обратился и в своей актовой речи 1815 года «Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание, независимо от религии» [14]. Ему возразил, также в актовой речи «Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам», коллега по кафедре философии адъюнкт И.Е. Срезневский [21], который в противовес А.С. Лубкину отстаивал позицию Канта о связи морали, нравоучения и религии.

Г.И. Солнцев, читавший в Казанском университете курс естественного права, обвинялся М.Л. Магницким в распространении идей «Критики практического разума» Канта и вообще в вольнодумии. В конечном счете Магницкий добился удаления Г.И. Солнцева из Казанского университета³.

Весьма сильный интерес к Канту испытывал физик Ф.К. Броннер, в течение нескольких лет работавший в Казани, от него о взглядах Канта мог услышать и Н.И. Лобачевский.

Не случайно Лобачевский тщательно конспектировал книгу Кизеветтера [27], представителя кантовской школы логической мысли [4, с. 207–215]. Именно логические знания необходимы для упорядочения оснований знания, пересмотр которых в случае геометрии и позволил создать неевклидову геометрию.

Существуют веские аргументы в пользу того, что уже в 1815 году Лобачевский был знаком и с «Критикой чистого разума» Канта, не разделяя, впрочем, взглядов последнего на природу математики [4, с. 208].

Заслуживает упоминания то обстоятельство, что Н.И. Лобачевский, как и многие другие русские мыслители, по-видимому, симпатизировал эмпиризму: он строил свою «воображаемую» геометрию, исходя не из абстрактных понятий, а из конкретного эмпирического факта — соприкосновения тел.

Традиции эмпиризма сохранялись в большей или меньшей степени рядом представителей университетской философии на протяжении всего XIX столетия.

Эмпиризм активно поддерживался и А.И. Смирновым, который, кстати, во второй половине XIX века, в 1890 году, читал *годовой* курс лекций, посвященный философии Канта [НА РГ, ф. 977, оп. Совет ист.-фил. фак-та, д. 1769, с. 28]. «Эмпиризм все-таки ближе к истине (нежели кантианская концепция. — В.Б.), — замечал А.И. Смирнов. — Главное его положение, что математические истины основываются на опыте, следует считать верным». И затем он продолжает: «Исследования негеометров (так Смирнов называет последователей неевклидовой геометрии. — В.Б.) подтверждают по крайней мере основной тезис эмпирической теории, именно, что аксиомы геометрии суть фактические истины, имеющие опытное происхождение и в своей достоверности опираются на опыт» [18, с. 67–68]. «Опыт есть и источник знания, и критерий его достоверности... Аксиомы геометрии не составляют исключения из этого общего правила. Они суть истины опытные» [19, с. 2], — писал А.И. Смирнов.

Эмпиризм вообще был довольно-таки популярен у русских логиков, которые иногда даже предлагали своего рода математические доказательства эмпиричности законов логики и аксиом математики [9].

Существует мнение, что эмпиризм обязан своей популярностью в России распространенности идей английского позитивизма.

Не разделяя основоположений теории познания Канта, отечественные логики между тем были в целом солидарны с кантовским видением статуса логики как отдельной самостоятельной области философии, достойной особой разработки. Как известно, последователи Гегеля и Шеллинга были склонны полностью подчинить логику философии, по существу растворяя логику в философии, лишая ее самоценности и, стало быть, отказывая ей в возможности саморазвития.

«Психология и логика, — писал В.А. Снегирев, — суть науки философские...» Однако «легко видеть, что они свободны от всяких умозрений, неразлучных с философией, и суть чисто опытные, совершенно самостоятельные, независимые от философии, науки...» [20, с. 427].

В.А. Снегирев подразделял логику на логику формальную, к которой он относил труды И. Канта, У.С. Дживонса, В.Н. Карпова и А.Е. Светилина, на логику метафизическую, причисляя к ней работы Гегеля и Куно Фишера, и на «новейшую немецкую логику», представителями которой считал Ф.А. Тренделенбурга, Ф. Ибервега, Г. Лотце.

³ «С разгромом Казанского университета прекратилось и распространение философии Канта: после 1820 года не появилось ни одного сочинения о ней,» — замечал А.И. Введенский [6, с. 42]. Здесь кроется еще одна причина отсутствия имени И. Канта в названиях многочисленных сочинений отечественных логиков и философов определенного периода, хотя его идеи не могли не рассматриваться при обсуждении конкретных логических и философских положений.

«Приемы логики, — утверждал В.А. Снегирев, — в исследовании своего предмета вполне аналогичны с приемами психологии и других наук... Их (логику и психологию. — В.Б.)... нужно прежде всего причислить к наукам о человеке и дать им эпитет антропологических или гуманных» [20, с. 433].

Придерживаясь позиций ассоциативной психологии, на эмпирическом происхождении законов формальной логики настаивал и М.М. Троицкий [17, с. 115].

Весьма отчетливо психологические установки заметны и, более того, достигают некоторой крайней точки у И.И. Ягодинского, который поставил задачу в своей книге «Генетический метод в логике» [24] показать, каким образом логическое возникает на определенной стадии эволюции человека.

«Логичность присуща какой-нибудь специальной функции нашего Я, — писал И.И. Ягодинский. — Такая функция есть функция суждения». Все основные законы логики, по Ягодинскому, представляют собой эквивалент аксиомам психологии [25, с. 324, 325–327].

В контексте генетического метода логика присутствует «везде, где есть жизнь, а жизнь — везде, где есть логика». При этом «суждения наличности и тождества суть простейшие (поскольку ими, по Ягодинскому, оперируют животные, стоящие на низших ступенях биологической лестницы. — В.Б.), последний род выводов, заканчивающих их эволюцию, есть силлогизм» [26, с. 33, 34, 37].

В эвристическом смысле антропологизм и психологизм оказались — в интерпретации Н.А. Васильева — достаточно эффективными. Именно благодаря психологизму в рамках Аристотелевой парадигмы логики, на фундаменте которой покоились и традиционная, и математическая логика, вызрела неаристотелева парадигма, появление которой означало переход от классической к неклассической логике. В качестве стержневых положений аристотелева парадигма принимала так называемые «начала», «аксиомы» (по терминологии, скажем, М.М. Троицкого) логики — законы (не)противоречия и исключенного третьего.

Эмпиризм, стимулировавшийся критикой априористских моментов в философии Канта, и одновременно поддержка взглядов Канта на независимый статус логики, ее самостоятельность в рамках философии, психологизм, который в истолковании Н.А. Васильева позволил дать абрис неаристотелевой парадигмы в логике, — все это наиболее *характерные* черты русской университетской философии, в значительной мере заданные философской рефлексией над идеями Канта.

Список литературы

1. Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета (1755–1855). М., 2001.
2. Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М., 2007.
3. Бобров Евг. Логика Аристотеля. Варшава, 1906.
4. Васильев А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М., 1992.
5. Васильев Н.А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // Учен. зап. имп. Казан. ун-та, 1910. Октябрь. С. 1–47.
6. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И. [и др.]. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 26–66.
7. Ивановский В.Н. Памяти И. Канта // Изв. физико-математического общ-ва при императорском Казанском университете. 2-я сер. 1904. Т. 14, №2. С. 132–153.
8. Ивановский В.Н. К вопросу о генезисе ассоцианизма. Речь перед диспутом. Казань, 1910.
9. Жаков К.Ф. Логика с эволюционной точки зрения. СПб., 1912.
10. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1907.
11. Ломова И. О. Трансформация идей И. Канта в работах русских логиков конца XIX — начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005.
12. Лубкин А.С. Письма о критической философии // Сев. вестник. 1805. №8. С. 183–199; №9. С. 231–248.
13. Лубкин А.С. Начертание логики. СПб., 1807.
14. Лубкин А.С. Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание, независимо от религии. Казань, 1815.
15. Марков И.К. Возникновение логики Канта // Кант И. Логика / под ред. А.М. Щербины. Труды Петроградского философского общества. Пг., 1915. Вып. 11. С. X — XX.
16. Поварнин С.И. Логика отношений, ее сущность и значение. Пг., 1917.
17. Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии // Введенский А.И. [и др.]. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 96–216.
18. Смирнов А.И. Об аксиомах геометрии в связи с учением негеометров о пространствах разных форм и различных измерений. Речь в торжественном собрании Казанского физико-математического общества, посвященного памяти Н.И. Лобачевского. 24 октября 1893 г. Казань, 1894.
19. Смирнов А.И. Публичные лекции по философии наук. Основные понятия и методы наук физико-математических. Казань, 1896.
20. Снегирев В.А. Психология и логика как философские науки // Православный собеседник. 1876. Август. С. 427–451.
21. Срезневский И.Е. Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам. Казань, 1817.
22. Сумарокова Л.Н. Философия в Одессе // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995. С. 491–520.
23. Челпанов Г.И. Философия Канта. Ст. 2 // Мир Божий. 1901. №4. С. 165–187.

24. Ягодинский И.И. Генетический метод в логике. Казань, 1909.
25. Ягодинский И.И. Метод и задачи современной логики // Вопр. педагогики. 1912. №1. С. 29–38.
26. Ягодинский И.И. Основные законы логики и общая задача логики // Вестник образования и воспитания. 1915. Апрель. С. 323–330.
27. Kieseletter J. C. C. Logik zum Gebrauche für Schulen. Berlin, 1796.

Об авторе

Бажанов Валентин Александрович — засл. деятель науки РФ, д-р филос. наук, проф., действительный член Academie Internationale de Philosophie des Sciences, зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета, vbazhanov@yandex.ru

About author

Prof. Valentin Bажanov, honoured worker of science, full member of Academie Internationale de Philosophie des Sciences, head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, vbazhanov@yandex.ru